

УДК 341.9**ББК 67.93****Kvitsiniya Natalia Vyacheslavovna,**

candidate of law, associate professor

of the department of civil law

of Volgograd Business Institute,

Volgograd,

e-mail: maksim20777@yandex.ru

Narushkevich Svetlana Vitalyevna,

candidate of law, associate professor head of the department

of the civil law of Volgograd Business Institute,

Volgograd,

e-mail: narushkevich@yandex.ru

Квициния Наталья Вячеславовна,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданского права

Волгоградского института бизнеса,

г. Волгоград,

e-mail: maksim20777@yandex.ru

Нарушкевич Светлана Витальевна,

канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права

Волгоградского института бизнеса,

г. Волгоград,

e-mail: narushkevich@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И ПРАВОВОГО СТАТУСА СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ****ISSUES OF THE CONCEPT AND LEGAL STATUS OF THE SUPERIMPERATIVE NORMS
IN THE INTERNATIONAL PRIVATE LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

В статье анализируются содержание, порядок исполнения, фактическая возможность и допустимость применения императивных и сверхимперативных норм иностранного права. Исследуются различные точки зрения и подходы к определению понятия императивных и сверхимперативных норм. Предлагается перечень условий, при выполнении которых допустимо использование иностранного законодательства в стране суда, в производстве которого находится дело. Рассматривается соотношение способов регулирования гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, таких как материальный, коллизионный и с помощью сверхимперативных норм. Авторы приходят к выводу о том, что правовая природа сверхимперативных норм включает в себя не только частные интересы, но и публичные, при этом регулирование отношений затрагивает только сферу частного права.

The article analyzes the content, procedure of execution, actual possibility and admissibility of application of imperative and super-imperative norms of the foreign law. Various points of view and approaches to definition of the concept of imperative and super-imperative norms are investigated. The list of conditions is presented, at which fulfillment the use of the foreign legislation in the country of the court considering the case is acceptable. Interaction of the ways for regulation of the civil-law relations complicated by the foreign element, such as material, conflict and by means of super-imperative norms, is examined. The author come to conclusion that legal nature of super-imperative norms includes not only private interests, but also the public ones, while the regulation of relations affects only the private law.

Ключевые слова: иностранный элемент, частноправовое отношение, императивная норма, международный договор, коллизионная норма, сверхимперативная норма, суд, правопорядок, закон автономии воли, закон наиболее тесной связи, международное частное право.

Keywords: foreign element, private legal relation, imperative norm, international treaty, conflict norm, superimperative norm, court, law and order, law of an autonomy of will, law of the most close connection, international private law.

Регулирование отношений в международном частном праве происходит на основании применения коллизионных норм, которые являются нормами отсылочного характера, и достигает своей цели только в совокупности с материальной нормой, к которой они отсылают. Коллизионная норма указывает, право какого государства должно быть применено к данному конкретному частноправовому отношению, ослуженному иностранным элементом.

Защита публичных интересов любой страны всегда происходит с помощью императивных норм. Нарушение установленных государством запретов субъектами гражданско-правовых отношений влечет за собой отрицательные последствия, например, в виде неисполнения договора, признания его недействительным и др.

Наиболее полная классификация императивных норм подобного рода приведена в работе М. Блессинга (M. Blessing), который выделяет нормы, направленные на:

— защиту интересов государств, направленных на поддержание платежной системы и платежного баланса данного государства (нормы валютного регулирования, ограничения на совершение определенных платежных операций, запрет так называемых золотых оговорок (gold clauses), которые ставят размер подлежащего уплате денежного предоставления в зависимость от котировок золота);

— защиту фискальных интересов (таможенно-тарифное регулирование, запрет так называемого трансфертного ценообразования и т. п.);

— защиту экономических интересов отечественных производителей (лицензирование и квотирование экспорта и импорта, введение других разновидностей нетарифных ограничений экспорта и импорта);

— защиту местных финансовых рынков (ограничения, связанные с рынком ценных бумаг и фондовыми биржами);

— реализацию политических и военных интересов государства (эмбарго и бойкоты, введенные по соображениям политического характера, запреты на совершение сделок с лицами из определенных иностранных государств);

— защиту окружающей среды и животного мира (запреты на ввоз товаров, содержащих определенные вредные вещества, запрет на оборот определенного вида животных и растений);

— защиту конкуренции и эффективное функционирова-

ние товарных и финансовых рынков (нормы антимонопольного законодательства, нормы, направленные на предотвращение коррупции, и т. п.) [1, с. 14—15].

Сложным вопросом является само понимание сверхимперативных норм. Большинство современных российских ученых подразумевают под императивными нормами правила поведения, не допускающие отступления от них по усмотрению субъектов права. Общей целью императивной нормы конкретного государства является ограничение свободы договора в указанных выше целях, а суть коллизионного регулирования международных отношений заключается в отсылке к иностранному законодательству, при этом данное конкретное правоотношение перестает регулироваться как диспозитивными, так и императивными нормами собственного права.

Однако, как отмечал еще Л. А. Лунц, существует ряд императивных материальных норм, действие которых не устраняется отсылкой к иностранному праву [2, с. 288]. Именно такие нормы получили наименование строго императивных норм национального права, или сверхимперативных норм [3]. Принято считать, что ограничителем свободы договора выступают императивные нормы в их обычном значении, тогда как смысл существования сверхимперативных норм состоит в ограничении действия коллизионной нормы, отсылающей к иностранному правопорядку [4, с. 40].

Применение «иностранного» законодательства в стране, рассматривающей спор, возможно только с соблюдением собственных строго императивных норм. Авторы считают, что реализация императивных норм третьего государства (например, права страны, которую выбрали стороны договора) переводит их в ранг сверхимперативных, при этом остается открытым вопрос о том, только ли факт применения конкретной императивной нормы возводит ее до сверхимперативной или она является таковой без этого. Поэтому трудно согласиться с идеей О. Н. Садикова о признании императивных норм собственного государства сверхимперативными без разрешения указанного вопроса.

Под строго императивными нормами понимаются предписания собственного законодательства, отклонения от которых не допустимы независимо от автономии воли сторон. При применении императивных норм иностранного государства, которые при их реализации становятся сверхимперативными, суд должен руководствоваться характером, содержанием, целью данного предписания, а также последствиями реализации данного положения для сторон. Согласно ст. 1192 ГК РФ коллизионные правила не затрагивают действие тех императивных норм законодательства РФ, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права [5]. ГК РФ называет такие нормы нормами непосредственного применения, однако никак не соотносит их с коллизионными нормами, то есть не определяет четко ограниченную юридическую силу этих норм.

Итак, использование иностранных императивных норм судом, рассматривающим международный спор, предполагает в первую очередь защиту интересов собственного государства. Проблема выбора применимого права при рассмотрении конкретного дела всегда зависит от сотрудничества и взаимного уважения государств во взаимоотношениях друг с другом, а значит, от согласования суверенитетов го-

сударств. Международное частное право в этом случае можно расценивать как составную часть международного права в широком смысле слова, а сверхимперативные нормы — как имеющие публично-правовую природу.

В силу обладания суверенитетом государство всегда будет стремиться реализовывать свои собственные нормативные правила, имеющие императивный характер, и применение сверхимперативных норм другого государства будет возможно в случае их непротиворечия интересам страны, рассматривающей спор.

Большинство императивных норм традиционно относятся к сфере публичного права. Они имеют строго территориальный характер действия, что практически всегда означает невозможность применения зарубежных предписаний императивного характера в судах другого государства. В то же время суд, рассматривающий дело, должен руководствоваться не только собственными императивными нормами, но и императивными нормами государства, чье право должно быть применено по условиям договора, при этом данные предписания могут быть диаметрально противоположными. В данном случае рассмотрение одного и того же дела в судах различных государств способствует принятию различных решений, что противоречит основной цели международного частного права — достижению международного единообразия решений. Реализация императивных норм оказывает огромное влияние на регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом и всегда зависит от того, суд какого государства рассматривает спор. Разрешение данной проблемы, по мнению авторов, возможно только одним путем — посредством принятия международного договора в рамках участников Организации Объединенных Наций, прямо предусматривающей применение императивных норм права-донора вне зависимости от субъектного состава правоотношения и их правопорядков.

Императивные нормы отражают публичные интересы государства и направлены на его защиту. Именно этим они отличаются от обычных частноправовых норм. Однако публичные интересы государств могут и не совпадать, а следовательно, возникает проблема в их применении на территории другого государства в качестве сверхимперативных.

Как верно заметил А. В. Асосков, невозможно говорить о равноценности и взаимозаменяемости норм этой категории, взятых из различных правопорядков. (Речь идет о сверхимперативных нормах.) Это, в свою очередь, делает практически невозможным использование механизма двусторонних коллизионных норм, которые определяют пределы применения как отечественного, так и иностранного материального права. Сверхимперативные нормы, как правило, имеют более или менее четко определенную пространственно-персональную сферу действия. Она либо выражается в виде прямо выраженных правил, либо подлежит определению путем анализа самой нормы и преследуемых ею целей. Более того, применение сверхимперативной нормы за пределами обозначенной в ней пространственно-персональной сферы действия ведет к совершенно неадекватным последствиям [6, с. 101]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда нормы государства ограничивают покупку иностранных товаров, однако сделка никак не связана с покупкой таких товаров, а имеет своей промежуточной целью только временное их хранение на территории страны для дальнейшего экспорта в другие страны. Ограничение этой страны на ввоз таких товаров не могут учитываться при разрешении спора.

Сверхимперативные нормы обладают особой правовой природой, и их практическая реализация требует применения специального метода регулирования. Такой точки зрения придерживается ряд зарубежных авторов, таких как П. Нойхаус, А. Юнкер, которые считают, что кроме традиционного материального и коллизионного метода правового регулирования в международном частном праве существует специфический метод регулирования, связанный с применением сверхимперативных норм [7, с. 179]. И.С. Перетерский и С.Б. Крылов императивные нормы в международном частном праве называли нормами особого рода, специально предназначенными для регулирования отношений с иностранным элементом [8, с. 7—8]. Н.И. Марышев и О.Н. Садиков называют их нормами прямого действия как «особый, третий метод регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом наряду с коллизионными и унифицированными материальными нормами» [9, с. 9].

По мнению Г.Г. Иванова, «подобные нормы следует рассматривать как особый прием регулирования отношений с иностранным элементом» [10, с. 12].

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что сверхимперативные нормы сочетают в себе как материальное начало (регулирование конкретного отношения), так и непосредственно метод регулирования.

Л.А. Лунц придерживался противоположной точки зрения, считая, что отношения в международном частном праве регулируются только с помощью материальных и коллизионных норм. С аналогичной позицией выступает И.Л. Кичигина [11, с. 10], допуская рассмотрение сверхимперативных норм как составную часть коллизионных норм.

Современные коллиционисты признают и поддерживают существование в международном частном праве третьего метода правового регулирования, называя его «экстраординарно-односторонним материально-правовым методом» [12, с. 39].

А.В. Асосков реализацию сверхимперативных норм называет методом «прямого национального регулирования» и выделяет его особенности:

— в отличие от коллизионного метода данный метод предполагает регулирование нормами материального права с отсутствием потребности в отдельных коллизионных нормах, определяющих пространственно-персональную сферу их действия;

— в отличие от метода материальной унификации данный метод основан на использовании национального, а не международно-правового регулирования [6, с. 112].

Государство, в суде которого рассматривается спор, не должно абсолютно всегда применять при рассмотрении дела сверхимперативные нормы.

По мнению Верховного суда Нидерландов, «даже если бы применимым правом оказалось право Нидерландов, это не означало бы автоматического применения голландской сверхимперативной нормы, так как применение таких норм зависит не от указания коллизионной нормы, а от определения пространственно-персональной сферы действия соответствующей сверхимперативной нормы» (HR 18.01.1991. NPR 1991, 121. См. описание данного дела в работе [4]).

Таким образом, можно сделать вывод, что сверхимперативная норма применяется только в случае, если регулируемое правоотношение входит в сферу ее действия. Реализация сверхимперативной нормы не носит автоматического характера. Примером данного утверждения служит п. 1 ст. 1192 ГК РФ, а также ст. 7 (2) Римской конвенции 1980 года [13], ст. 9 (2) Регламента Рим I [14].

А.В. Асосков считает, что «суд должен обратиться к соответствующему иностранному праву для того, чтобы выяснить, обладает ли та или иная иностранная императивная норма чертами «сверхимперативности», а также входит ли рассматриваемая ситуация в пространственно-персональную сферу действия соответствующей нормы» [15, с. 76].

По мнению авторов, неопределенность в наличии у нормы прямого действия статуса сверхимперативности фактически лишает этот статус какого-либо смысла, так как он определяется только судом в конкретном споре, при этом говорить о единообразном подходе к ее применению не приходится, поскольку применение нормы иностранным судом может радикально отличаться от ее применения судом национальным. Анализ международных документов и судебной практики позволяет сделать вывод о наличии определенных условий применения или неприменения сверхимперативных норм, а также о том, что статус сверхимперативности норме придает именно факт ее применения в конкретном деле.

Во-первых, это условие о наличии тесной связи применимого иностранного права и регулируемого правоотношения. Наиболее тесная связь определяется целым рядом факторов в зависимости от рассматриваемой ситуации. Например, в договоре перевозки грузов таким фактором может являться место погрузки/разгрузки товаров или место расположения основного предприятия-перевозчика. Согласно Римской конвенции 1980 года договор наиболее тесно связан с государством, на территории которого исполняющая его сторона имеет место жительства (для физического лица) или место расположения управленческих органов либо основное ведение хозяйственной деятельности (для юридического лица). О необходимости наиболее тесной связи между отношением и правопорядком, к которому относится соответствующая сверхимперативная норма, упоминается также в работах В. Венглера, Ф. Вишера, а также в научных трудах, исследовавших п. 2 ст. 1192 [16, с. 355].

Некоторые российские цивилисты считают, что наиболее тесная связь должна присутствовать в договоре в целом и охватывать все его разделы, а не касаться отдельных частей такого договора, при этом в противном случае стороны были бы не в состоянии учесть применение всех возможных сверхимперативных норм иностранного законодательства (речь идет о том, что стороны вправе предусмотреть, что законодательство одного государства будет применяться к одному разделу договора, а право другой страны применяется к другому разделу этого же договора). Суть их мнения сводится к тому, что судья, в производстве у которого находится дело, физически не может учесть всех нюансов иностранного законодательства и тем более нескольких зарубежных систем права, следовательно, это скажется на качестве и обоснованности принятого решения. По нашему мнению, это нарушает свободу договора и закон автономии воли, который предусматривает, что стороны при заключении договора и даже в последующем имеют право выбрать к отдельным частям и разделам договора применение права любого государства по взаимному согласию, а суд, рассматривающий дело, соответственно, должен руководствоваться именно законодательством того государства, которое регулирует именно данный раздел международного договора. Безусловно, реализация закона автономии воли создает огромные проблемы, так как может сложиться ситуация, когда несколько разделов договора урегулированы сторонами по законодательству нескольких государств с их взаимного согласия, а к остальным частям договора стороны не предусмотрели примени-

мое право, в результате чего суд не сможет однозначно применить любое право, как иностранное, так и национальное.

Суды иностранных государств, применяя иностранные сверхимперативные нормы, также руководствуются условием о наличии тесной связи между правоотношением и правопорядком применимого права третьей страны.

В качестве примера можно привести одно из наиболее известных дел, в котором стоял вопрос о применении сверхимперативной нормы третьей страны, — рассматривавшееся в голландском суде дело *Compagnie Europeenne des Petroles (C. E. P.) v. Sensor Netherlands B. V.* Суд посчитал применение сверхимперативной нормы невозможным и в обоснование отметил следующее: «В соответствии с правилами голландского международного частного права голландские суды даже в случае, когда применимым к международному контракту является голландское право, тем не менее должны при определенных обстоятельствах отдавать приоритет применению императивных предписаний иностранного права перед голландским правом. Одним из обстоятельств, при наличии которого голландские суды обязаны отдать такой приоритет, является требование о наличии достаточной связи между контрактом и соответствующим иностранным государством» [17]. Вторым критерием, который должен учитываться при реализации правоприменителем иностранной сверхимперативной нормы, выступает ее характер и цель. Государство, где рассматривается спор, должно придерживаться аналогичных ценностей, защищаемых сверхимперативной нормой. Сверхимперативная норма должна быть направлена на защиту не узких и эгоистических интересов отдельно взятого государства, а представлять собой общую ценность в рамках международного сообщества.

«Изучение характера и целей предполагает осуществление проверки содержания иностранной сверхимперативной нормы с точки зрения материально-правовых стандартов *lex fori*» [6, с. 113], считает А. В. Асосков. Таким образом, можно сделать вывод, что суд, рассматривающий дело, применяет далеко не все сверхимперативные нормы третьего государства. К. Цвайгерт говорил о необходимости выделения двух видов сверхимперативных норм: норм, направленных на защиту ценностей, общих для международного сообщества государств, с одной стороны, и норм, которые выражают нетипичные интересы и являются «чуждыми» для отечественного суда, с другой стороны. При решении вопроса об обращении к иностранным сверхимперативным нормам суд может применить лишь нормы, входящие в первую группу [4, с. 18].

В п. 2 ст. 9 Резолюции Института международного права 1991 года «Об автономии воли в международных контрактах между частными лицами и их объединениями» прямо подчеркивается, что иностранные сверхимперативные нормы могут быть применены только в том случае, если «они преследуют цели, которые в общем признаются международным сообществом» [18].

Ярким примером отклонения применения сверхимпера-

тивной нормы ввиду ее несоответствия целям и характеру международной торговли является решение бельгийского суда 2000 года по спору между бельгийской и тунисской компанией. Суд пришел к выводу о невозможности реализации сверхимперативных норм тунисского права к заключенному агентскому договору, хотя на момент его заключения законодательство Туниса запрещало заключение подобного рода договоров [19].

Третьим критерием применения или неприменения судом сверхимперативной нормы иностранного государства являются последствия как для страны суда, так и для государства, издавшего данные нормы. При этом необходимо учитывать не только интересы обоих государств, но и интересы сторон договора.

Данный критерий оценки заложен в п. 2 ст. 1192 ГК РФ, ст. 7 (1) Римской конвенции и ст. 9 (3) Регламента Рим I. Швейцарский Закон о международном частном праве 1987 года (ст. 19) разрешает применение сверхимперативных норм только в случае учета интересов и ценностей, признаваемых в швейцарском праве, а также если их реализация приведет к справедливому результату.

К. Зир иллюстрирует применение данного критерия на примере требования иностранного государства о возврате незаконно вывезенной с его территории культурной ценности. По мнению швейцарского исследователя, среди прочего швейцарский суд, рассматривающий спор, должен задаться следующими вопросами:

— насколько важное значение имеет культурная ценность для соответствующего государства;

— приняло ли соответствующее государство все разумные меры для предотвращения незаконного вывоза культурных ценностей;

— является ли владелец культурной ценности (ответчик по иску) добросовестным;

— если владелец культурной ценности является добросовестным, то получит ли он возможность возместить суммы, израсходованные на приобретение культурной ценности;

— насколько быстро государство предъявило свои претензии в отношении незаконно вывезенной культурной ценности, и не стала ли необоснованная задержка в предъявлении претензий причиной того, что вещь попала в имущественный оборот и была куплена добросовестным приобретателем [20].

В заключение необходимо отметить, что тема исследования является архисложной и требует детальной проработки на уровне международных документов.

Из проведенного анализа авторы делают вывод, что сверхимперативные нормы характеризуются как материальным содержанием, то есть непосредственно регулируют конкретное правоотношение, так и одновременно являются особым методом регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, при этом сложность определения их правовой природы заключается в том, что они сочетают два противоположных интереса — публичный и частный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Blessing M. Impact of the Extraterritorial Application of Mandatory Rules of Law on International Contracts. Swiss Commercial Law Series / Ed. by Vogt. Vol. 9. 1999. P. 75.
2. Курс международного частного права / А. Б. Альтшулер, В. П. Звеков, Л. А. Лунц, А. Л. Маковский и др. В 3 т. М., 2002. 1007 с.
3. Садиков О. Н. Императивные нормы в международном частном праве // Московский журнал международного права. 1992. № 2. С. 71—84.
4. Жильцов А. Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже: императивные нормы: дис. ... канд.

юрид. наук. М., 1998. 214 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552; Собрание законодательства РФ. 08.10.2012. № 41. Ст. 5531.

6. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 352 с.

7. Junker A. Internationales Privatrecht, 1998. 546 p.

8. Перетерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право. М., 1940. 205 с.

9. Лунц Л. А., Марышева Н. И., Садиков О. Н. Международное частное право. М., 1984. 414 с.

10. Иванов Г. Г., Маковский А. Л. Международное частное морское право. Л., 1984. 280 с.

11. Кичигина И. Л. Коллизионный и материально-правовой методы регулирования в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 217 с.

12. Жильцов А. Н., Муранов А. И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия. Международное частное право: иностранное законодательство. М.: Статут, 2001. 892 с.

13. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам [англ.] (вместе с Протоколом и Совместными заявлениями заключена в г. Риме 19.06.1980).

14. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I): Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза [рус., англ.] (принят в г. Страсбурге 17.06.2008).

15. Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 545 с.

16. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М.: Юрист, 2002. 987 с.

17. Pres. Rb. Den Hague. 17.09.1982.

18. The Autonomy of the Parties in International Contracts Between Private Persons or Entities. Resolution adopted by the Institut de droit international / Institute of International Law. Session of Basel, 1991 (Seventh Commission, Rapporteur: Mr Eric Jayme) [Электронный ресурс]. URL: http://www.idi-iil.org/idiE/resolutionsE/1991_bal_02_en.PDF (дата обращения: 14.09.2015).

19. Tribunal de Commerce Mons. 02.11.2000. Revue de Droit Commercial Belge 2001, 617 ff. (Данное дело цитируется по: Handwörterbuch des Europäische Privatrechts. Bd. 1. 2009. 374. p.)

20. Siehr K. Das Internationale Privatrecht der Schweiz. 2002. 610. s.

REFERENCES

1. Blessing M. Impact of the Extraterritorial Application of Mandatory Rules of Law on International Contracts. Swiss Commercial Law Series / Ed. by Vogt. Vol. 9. 1999. P. 75

2. The course of the international private law. In 3 vol. / A. B. Altshuler, V. P. Zvekov, L. A. Lunts, A. L. Makovsky, et al. M., 2002. 1007 p.

3. Sadikov O. N. Imperative norms in the international private law // Moscow magazine of international law. 1992. № 2. P. 71—84.

4. Zhiltsov A.N. The law applicable at the international commercial court of arbitration: imperative norms: dissertation of the candidate of law. M., 1998. 214 p.

5. The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 № 146-FZ (revision as of 05.05.2014) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 03.12.2001. № 49. Art. 4552; Collection of the legislation of the Russian Federation. 08.10.2012. № 41. Art. 5531.

6. Asoskov A. V. Fundamental of the law of conflict. M.: Infotropik Media, 2013. 352 p.

7. Junker A. Internationales Privatrecht, 1998. 546 p.

8. Peretersky I. S., Krylov S. B. International private law. M., 1940. 205 p.

9. Lunts L. A., Marysheva N. I., Sadikov O. N. International private law. M., 1984. 414 p.

10. Ivanov G. G., Makovsky A. L. International private marine law. L., 1984. 280 p.

11. Kichigina I. L. Conflict and are material-legal methods of regulation in the international private law: dissertation of the candidate of law. M., 1987. 217 p.

12. Zhiltsov A. N., Muranov A. I. National codifications in modern international private law. Tendencies and contradictions in its development at the beginning of the third millennium. International private law: foreign legislation. M.: Statute, 2001. 892 p.

13. The convention on the right applicable to contractual obligations [English] (executed in Rome on 19.06.1980 together with the Minutes and Joint statements).

14. On the rights subject to application to contractual obligations (Rome I): Regulations of № 593/2008 of the European parliament and Council of the European Union [Russian, English] (accepted in Strasbourg on 17.06.2008).

15. Asoskov A. V. Norm-establishing factors affecting the content of conflict regulation of contractual obligations: dissertation of the doctor of law. M., 2011. 545 p.

16. Comments to part three of the Civil code of the Russian Federation (by articles) / G. E. Avilov, M. M. Boguslavsky, A. F. Yefimov, etc.; under the editorship of A. L. Makovsky, E. A. Sukhanov. M.: Yurist, 2002. 987 p.

17. Pres. Rb. Den Hague. 17.09.1982.

18. The Autonomy of the Parties in International Contracts between Private Persons or Entities. Resolution adopted by the Institut de droit international / Institute of International Law. Session of Basel, 1991 (Seventh Commission, Rapporteur: Mr Eric Jayme) [Electronic resource]. URL: http://www.idi-iil.org/idiE/resolutionsE/1991_bal_02_en.PDF (date of viewing: 14.09.2015).

19. Tribunal de Commerce Mons. 02.11.2000. Revue de Droit Commercial Belge 2001, 617 ff. The given case are quot on: Handwörterbuch des Europäische Privatrechts. Bd. 1. 2009. 374 s.

20. Siehr K. Das Internationale Privatrecht der Schweiz. 2002. 610 s.

Как цитировать статью: Квициния Н. В., Нарушкевич С. В. Проблемы понятия и правового статуса сверхимперативных норм в международном частном праве: сравнительно-правовой анализ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 275—279.

For citation: Kvitsiniya N. V., Narushkevich S. V. Issues of the concept and legal status of the superimperative norms in the international private law: comparative legal analysis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 4 (33). P. 275—279.

УДК 347.77
ББК 67.404.3

Kozlova Marina Yurevna,
candidate of law, associate professor, head of the department
of the business law of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: kravetz-m@mail.ru

Козлова Марина Юрьевна,
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
предпринимательского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: kravetz-m@mail.ru

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ, СОВЕРШАЕМАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КАК ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

UNFAIR COMPETITION PERFORMED WITH THE USE OF THE RIGHTS TO THE INTELLECTUAL PROPERTY AS THE CIVIL DELICT

В статье изучается недобросовестная конкуренция, совершаемая с использованием прав на объекты интеллектуальной собственности, как гражданское правонарушение. Анализируются основные элементы состава такого правонарушения. Выявляются особенности объективной и субъективной стороны недобросовестной конкуренции, средством совершения которой служат права на объекты интеллектуальной собственности. Доказывается, что деяние хозяйствующего субъекта может считаться противоправным в случае нарушения не только конкретной нормы закона, но и обычая, этических норм, требований добросовестности, разумности, справедливости. Указывается на особенности процесса доказывания размера убытков. Раскрывается суть и подчеркивается важность выбора способа защиты от недобросовестной конкуренции как гражданского правонарушения, который обеспечивает восстановление имущественных прав потерпевшего.

The article examines unfair competition performed with use of rights to the intellectual property objects as the civil delict. The main elements of such delict are analyzed. Particularities of the objective and subjective aspects of unfair competition are identified, which means of commitment are the rights to the intellectual property objects. It is proved that the deed of economic entity can be considered unlawful in case of violation of the specific provision of law, as well as tradition, ethic norms, requirements of honesty, reasonableness, and fairness. The essence is disclosed, and the importance of selection of the way of protection against unfair competition as the civil delict is underlined, which ensures restoration of the property rights of the victim.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, интеллектуальная собственность, гражданское правонарушение, вина, противоправность, убытки, причинная связь, разумность, добросовестность, заботливость, осмотрительность.

Keywords: unfair competition, intellectual property, civil delict, guilt, wrongfulness, damages, causal relation, intelligence, honesty, diligence, prudence.

Недобросовестная конкуренция, совершаемая путем неправомерного использования исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, с одной стороны, является нарушением публично-правовых требований Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1] (далее — Закон о защите конкуренции), а с другой — представляет собой гражданское правонарушение, которое повлекло или могло повлечь за собой убытки. Вопрос о соотношении и порядке применения норм к отношениям, связанным с недобросовестной конкуренцией, не только представляет научный интерес, но и имеет большую практическую значимость, поскольку с развитием и усложнением гражданского оборота увеличивается число судебных споров в рассматриваемой сфере.

Гражданско-правовая ответственность возникает только в том случае, если имеют место гражданские правоотношения [2, с. 52]. Хозяйствующие субъекты в процессе осуществления коммерческой деятельности могут причинить вред другим лицам, в том числе путем совершения недобросовестной конкуренции. Такое отношение будет иметь гражданско-правую природу, а значит, может наступить гражданско-правовая ответственность.

Для деликтной ответственности характерно, что ей не предшествует какая-либо обязанность конкретного лица [3, с. 16]. Спецификой внедоговорной ответственности, или ответственности из причинения вреда, является отсутствие отношений между причинителем вреда и потерпевшим или отсутствие взаимосвязи между предыдущими отношениями и причинением вреда. Соответственно, причинение вреда в случае недобросовестной конкуренции можно отнести к случаям возникновения внедоговорной ответственности.

Объектом правонарушения при совершении недобросовестной конкуренции является общественное отношение,